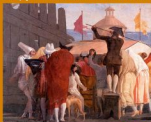

ОДИССЕЙ

человек в истории

Homines novi:
социальные группы в жизни общества

2022

СОДЕРЖАНИЕ

НOMINES NOVI: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

О.Е. Кошелева

«НOMINES NOVI»: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДАННОЙ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ «ОДИССЕЯ» 5

Н.Ю. Живлова

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО! ФОРМИРОВАНИЕ
СОСЛОВНОЙ ГРУППЫ КЛИРИКОВ В
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ИРЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ..... 10

А.В. Русанов

СТУДЕНТЫ И МАГИСТРЫ В ПОРТУГАЛИИ
КОН. XIII–XV ВВ.: ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И
БОРЬБЫ ЗА ПРАВОВОЙ СТАТУС..... 30

А.Б. Герштейн

КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА: ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАЦИИ ЛЖЕПРАВИТЕЛЕЙ С ОБЩЕСТВОМ.....50

Н.А. Болдырева

«ПОЗЛАЩЕННЫХ ВСАДНИКОВ ДРУЖЕСТВО»:
РАННИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРДЕНЕ ПОДВЯЗКИ В РОССИИ.....74

Л.А. Пименова

ЛИТЕРАТОРЫ И ФИЛОСОФЫ: О МЕСТЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ
XVIII ВЕКА.....96

Т.В. Артемьева

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
ЭЛИТ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....117

О.Е. Кошелева, В.С. Ржеутский
«НИКАКИЕ СИХ РАЗВРАТНЫХ УМОВ НАМЕРЕНИЯ
НИМАЛЕЙШЕ УСПЕТЬ НЕ МОГУТ»: РОССИЙСКИЕ
ВЛАСТИ И ФРАНЦУЗСКИЕ УЧИТЕЛЯ В 1795 Г.140

СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА!

О.Е. Кошелева
СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА! (ВВЕДЕНИЕ).....164

С.И. Лучицкая
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЯ
ФУЛЬКА I, ИЛИ КАК ПЕРЕДАВАЛИ ВЛАСТЬ В
ГОСУДАРСТВЕ КРЕСТНОСЦЕВ.....167

А.Б. Герштейн
(НЕ)ОЖИДАННАЯ СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО СЫНА:
КЛЕЙМО САМОУБИЙЦЫ В КАРТИНЕ МИРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ.....195

О.И. Тогоева
ТО, ЧТО МЕРТВО, УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ? САМОУБИЙЦЫ
И ПОХОРОНЕННЫЕ ЗАЖИВО В УГОЛОВНЫХ СУДАХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ..... 216

А.С. Лавров
МИРЯНЕ ВОЛОГОДСКОЙ И ВЕЛИКОУСТЮЖСКОЙ
ЕПАРХИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ «ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ»..... 229

Н. Хриссидис
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СВЯЩЕННИКА:
СЛУЧАЙ С АРХИМАНДРИТОМ ГРИГОРИОСОМ
ВЕГЛЕРИСОМ..... 255

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин
«ПИВНЯК», «МЯСНИК» И «ЗМЕЕВИК»: ПРОЗВИЩА
РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ КОНЦА IV – НАЧАЛА VI В.274

ХРИСТИАНСТВО И ВОЙНА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДЕ

А.Ф. Кофман

ДОКТРИНА «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ» В ТЕОРИИ И
ПРАКТИКЕ ИСПАНСКОЙ КОНКИСТЫ..... 302

СОЦИУМ, ДИДАКТИКА, ЭТИКА

† *В.Г. Безрогов, К.А. Левинсон, Е.Ю. Ромашина, И.И. Тетерин*
«СМОТРИ, ЭТО ГОРОД!» ПРОГУЛКИ С ЯНОМ АМОСОМ
КОМЕНСКИМ, КАРЛОМ ЛАУКХАРДОМ И
КОНСТАНТИНОМ УШИНСКИМ.....320

К.А. Левинсон

«СЧИТАЮ СВОИМ ДОЛГОМ...»: К ПРОБЛЕМЕ
ЭТОСА РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ. 344

РЕЦЕНЗИИ

С.И. Лучицкая

ИГРЫ В ЗЕРКАЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА (Рец. на кн.: Games and
Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....386

М.М. Кром

УДАЧНЫЙ ОПЫТ СРАВНЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДСКИХ КОММУН (Рец. на кн.: *Лукин П.В.* Новгород и
Венеция: сравнительно-исторические очерки становления
республиканского строя. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.: ил.)..... 392

IN MEMORIAM

В.Г. Безрогов (16.09.1959 – 14.11.2019)..... 398

А.Е. Махов (19.08.1959 – 29.11. 2021)..... 407

SUMMARIES..... 410

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	422
ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....	425
СОДЕРЖАНИЕ.....	426
CONTENTS.....	430

CONTENTS

HOMINES NOVI: NEW SOCIAL GROUPS IN SOCIETY

O.E. Kosheleva

“HOMINES NOVI”: SOME NOTES ON THIS
ODYSSEUS SECTION.....5

N.Ju. Zhivlova

GENEALOGIES FIRST! THE MAKING OF CLERGY AS AN
ESTATE-LIKE SOCIAL GROUP IN EARLY
MEDIEVAL IRELAND.....10

A.V. Rusanov

STUDENTS AND MASTERS IN PORTUGAL BETWEEN
THE LATE 13TH AND THE LATE 15TH CENTURIES:
FORMS OF REPRESENTATION AND STRUGGLE FOR
LEGAL STATUS.....30

A.B. Gerstein

THE RETINUE PLAYS THE KING:
PECULIARITIES OF IMPOSTORS' COMMUNICATION WITH
SOCIETY.....50

N.A. Boldyreva

"THE COMMUNITY OF AUREATE EQUITES": THE EARLY
DATA ABOUT THE ORDER OF THE GARTER IN RUSSIA.....74

L.A. Pimenova

PHILOSOPHERS AND MEN OF LETTERS: INTELLECTUALS'
PLACE IN SOCIETY IN 18TH CENTURY FRANCE.....96

T.V. Artem'eva

THE MAKING OF RUSSIAN INTELLECTUAL ELITES IN THE
AGE OF ENLIGHTENMENT.....117

<i>O.Eu. Kosheleva, V.S. Rjeutskij</i> “NO INTENTIONS OF SUCH CORRUPT MINDS CAN IN THE LEAST BIT SUCCEED”: RUSSIAN AUTHORITIES AND FRENCH TEACHERS IN 1795.....	140
--	-----

WHEN DEATH IS UNEXPECTED!

<i>O.Eu. Kosheleva</i> WHEN DEATH IS UNEXPECTED! (INTRODUCTION).....	164
---	-----

<i>S.I. Luchitskaya</i> THE SUDDEN DEATH OF FULK I, THE KING OF JERUSALEM, OR HOW POWER WAS TRANSFERRED IN THE CRUSADER STATES.....	167
--	-----

<i>A.B. Gerstein</i> THE (UN)EXPECTED DEATH OF THE EMPEROR’S SON: THE SUICIDE STIGMA IN THE MEDIEVAL WORLDVIEW.....	195
---	-----

<i>O.I. Togoeva</i> WHAT IS DEAD MAY NEVER DIE? SUICIDES AND BURIED ALIVE IN THE CRIMINAL COURTS OF MEDIEVAL FRANCE.....	216
---	-----

<i>A.S. Lavrov</i> LAY PEOPLE AND „UNEXPECTED DEATH“ IN VOLOGDA AND VELIKY USTYUG DIOCESE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES.....	229
--	-----

<i>N. Chrissidis</i> MANAGING THE SUDDEN DEATH OF A HANDSOME CLERGYMAN: THE CASE OF ARCHIMANDRITE GREGORIOS VEGLERES.....	255
--	-----

IMAGES OF POWER

<i>M.A. Vedeshkin</i> "THE BEERDRINKER", "THE BUTCHER" AND "THE SNAKE": THE NICKNAMES OF ROMAN EMPERORS OF	
--	--

THE LATE 4 TH – EARLY 6 TH CENTURIES AD.	274
---	-----

CHRISTIANITY AND WAR IN THE MEDIEVAL WEST

A.F. Kofman

THE DOCTRINE OF THE “JUST WAR” IN THEORY AND PRACTICE OF THE SPANISH CONQUISTA.....	302
--	-----

SOCIETY, DIDACTICS, ETHICS

†V. G. Bezrogov, K.A. Levinson, E. Yu. Romashina, I.I. Teterin

“LOOK, THIS IS A CITY!” REGARDING THE URBAN SPACE WITH JOHN AMOS COMENIUS, CARL FRIEDRICH LAUCKHARD AND KONSTANTIN USHINSKY.....	320
--	-----

K.A. Levinson

“I REGARD IT AS MY DUTY...” TOWARDS STUDYING THE ETHOS OF EARLY TWENTIETH CENTURY RUSSIAN SCHOLARS.....	344
---	-----

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

GAMES AS MIRRORED BY THE MEDIEVAL AND RENAISSANCE VISUAL CULTURE (Games and Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....	386
---	-----

M.M. Krom

GOOD EXPERIENCE IN COMPARING OF THE MEDIEVAL CYTIES	
--	--

(Rev: Lukin P.V. Novgorod and Venice: Comporative Historical
Essays of Formation of the Republican Order. SPb.: European
University at St. Petersburg Press, 2022. 302 p.: ill.)

IN MEMORIAM

B.Г. Безрогов (16.09.1959. – 14.11.2019).....	398
---	-----

A.E. Махов (19.08.1959. – 29.11.2021).....	407
--	-----

SUMMARIES.....410
LIST OF AUTHORS.....422
POLYCY PAGE..... 425
CONTENTS..... 430

Л.А. Пименова

ЛИТЕРАТОРЫ И ФИЛОСОФЫ:
О МЕСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ОБЩЕСТВЕ XVIII ВЕКА

DOI: 10.32608/1607-6184-2022-28-1-96-116

Аннотация: В век Просвещения сложилось представление об общественной миссии человека, обладающего знаниями и способного распространять их среди читающей публики. Трансформация публичной сферы повлекла за собой возрастание роли культурного капитала и его носителей. Тюрго ставил перед ними задачу воспитания граждан и нации. Для обозначения людей умственного труда, выходящих в публичное пространство, современники использовали понятия «литератор» и «философ». Эти термины часто употреблялись как синонимы, что нашло отражение в словарях и энциклопедиях XVIII в. Сами литераторы заявляли о себе как о людях уважаемой профессии и выразителях общественного мнения. Но официального признания как профессиональная группа они не получили, не образуя особой корпорации внутри общества рангов. В социальной иерархии, зафиксированной *Тарифом капитации*, им не нашлось специального места, и в нее вошли лишь те, кто состоял на королевской службе. В материальном отношении литераторы зависели от государства или от меценатов и, как правило, не могли жить литературным трудом, так как по закону права на произведение принадлежали издателю. Во второй половине XVIII в. авторы, прежде всего драматурги, начали бороться за право собственности на свои произведения. Их требования нашли отражение в законах, принятых в годы Французской революции.

Ключевые слова: интеллигент, литератор, общественное мнение, общество рангов, право собственности, тариф капитации, философ.

Keywords: Capitation Tariff, intellectual, philosopher, public opinion, ownership, society of ranks, writer.

В очерке Роберта Дарнтон «Инспектор полиции разбирает свои досье: анатомия литературной республики» есть афористично сформулированное умозаключение о положении литераторов во Франции эпохи Просвещения: «Хотя слово для обозначения этой породы еще не было изобретено, интеллектуалы плодились и размножались в мансардах и кафе»¹. Другой выдающийся знаток социокультурной истории Франции того времени Даниэль Рош тоже с уверенностью утверждает, что «можно говорить об интеллектуа-

¹ Дарнтон. 2002: 173.

лах в XVIII веке»². То, что специалисты по культуре Франции XVIII столетия выделяют интеллектуалов как особую социальную категорию, казалось бы, не должно удивлять, ведь Жак Ле Гофф относил рождение интеллектуалов вообще к XII в. Правда, у знаменитого французского историка речь шла о «тех, чьим ремеслом были мышление и преподавание своих мыслей»³, то есть об университетских ученых клириках, тогда как Дарнтон и Рош явно имели в виду совсем другую фигуру – литератора, не связанного с какой-либо определенной институцией. Однако Кристоф Шарль относит «рождение интеллектуалов» во Франции только к двум последним десятилетиям XIX столетия⁴. Тот же Рош признавал «отсутствие социальной идентичности» у писателей и интеллектуалов XVIII в.⁵ Безусловно, в то время в стране было немало людей, профессионально занятых интеллектуальным трудом. Но кем при этом они сами себя осознавали и как воспринимали их современники? Попробуем разобраться.

Прежде всего, нельзя сказать, что слово еще вовсе не было изобретено. В *Словаре Французской академии*, начиная с самого первого издания (1694), присутствует статья «Intellectuel, -elle», но в ней определяется только прилагательное: «относящееся к рассудку, к мыслительным способностям» и «духовное в противоположность материальному»⁶. Существительного «интеллектуал» не было даже в восьмом издании словаря (1935), оно появляется только в современном, девятом издании *Словаря Французской академии*, работа над которым еще продолжается. В нем термин «интеллектуал» определяется двояко. В самом общем смысле – как «личность, обладающая вкусом, способностями к умственным предметам и деятельности; личность, занимающаяся интеллектуальной деятельностью, профессией». Как примеры интеллектуалов такого рода приведены врачи, юристы, преподаватели. Наряду с общим указано более узкое, специальное значение термина: «Личность, которая занимается интеллектуальной профессией и участвует в общественной жизни, руководствуясь своими знаниями и идеями». При

² Roche. 1988: 225.

³ Ле Гофф. 2003: 5.

⁴ Шарль. 2005; Charle. 1990.

⁵ Roche. 1988: 220.

⁶ Dictionnaire de l'Académie française. 1694: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A110090-03> (дата обращения: 14.01.2022).

этом уточняется, что в таком смысле термин стал употребляться, начиная с дела Дрейфуса⁷. То есть в современном французском языке существуют два значения термина «интеллектуал»: во-первых, это человек, профессионально занимающийся интеллектуальной деятельностью, и, во-вторых, человек, не только профессионально занимающийся интеллектуальной деятельностью, но и отличающийся активной гражданской позицией. Так что Ле Гофф, говоря о средневековых интеллектуалах, имел в виду первое значение термина, а Шарль, Дарнтон и Рош – преимущественно второе.

В обществе XVIII в. были как люди различных интеллектуальных профессий, так и те из них, кто участвовал в общественной жизни. Значение образования и компетентности возросло в связи с переходом от династического к бюрократическому государству, или, как еще обозначил этот процесс Пьер Бурдьё, от «королевского дома» к «государственному интересу». Неотъемлемой частью этого процесса стало возвышение неродовитых *homines novi*, обязанных своим положением государству, готовых преданно ему служить и обладавших необходимыми профессиональными знаниями⁸. К XVIII веку служилая элита уже перестала быть новой, конституировавшись в официально признанное дворянство мантии. К концу Старого порядка это некогда новое дворянство замыкалось, превращаясь в династическую элиту, а существовавшие прежде каналы восходящей социальной мобильности перекрывались (парламенты переставали принимать в свои ряды недворян, доказательства дворянского происхождения требовались при поступлении в военные школы и при получении офицерских чинов), хотя критерии образования и интеллекта как факторы продвижения по карьерной лестнице и продолжали работать.

Государственная служба осознавалась как профессия, требующая соответствующей квалификации. Среди политической элиты распространилось представление о том, что для управления страной нужны профессиональные знания; росло стремление к рационализации управления. Во второй половине XVIII в. у администраторов появилась явная потребность опираться на точную науку, искать достоверные данные, подсчитывать, измерять (например,

⁷ Dictionnaire de l'Académie française. 1992–2011: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9I1605> (дата обращения: 14.01.2022).

⁸ Bourdieu. 1997: 55–68.

пытаться определить численность населения страны)⁹. По выражению французского историка Алена Гери, в это время король-чудотворец становится королем-специалистом¹⁰. У истоков подобного стремления к профессионализму еще при Людовике XIV стоял военный инженер маршал Себастьян де Вобан (1633–1707), который отточил науку осады вражеских крепостей и строительства фортификаций, а затем применил ту же математическую обоснованность, сочиняя трактат о пользе свиноводства и знаменитый проект королевской десятины¹¹. В дальнейшем Франсуа Кенэ и физиократы строили сопровождаемые расчетами модели развития хозяйства и пытались подходить с научных позиций к управлению экономикой и финансами¹².

Министры в своей деятельности старались опереться на точные науки. Аббат Жозеф-Мари Терре сочел духовную карьеру с изучением финансов, так что назначение его на пост генерального контролера финансов короля Людовика XV в 1769 г. стало вполне логичным. Вступив должность, Терре с целью поставить управление ресурсами страны на твердую научную основу, наряду с реформами в области финансов, предпринял рассчитанную на двадцать лет перепись населения, которая не была реализована ввиду отставки министра¹³. Назначенный Людовиком XVI на должность генерального контролера финансов известный экономист Анн-Робер-Жак Тюрго привлек к сотрудничеству математика Жана-Антуана-Никола Кондорсе и поручил ему пост инспектора Монетного двора¹⁴.

Постепенно во Франции стало складываться чиновничество нового типа, не имевшее права собственности и наследования должностей, но обязательно получавшее профессиональную подготовку: так, в 1691 г. был образован департамент наземных и морских фортификаций, в котором служили профессионально подготовленные инженеры, а в 1713 г. – служба мостов и дорог (для подготовки занятых в ней инженеров в 1747 г. была создана соответствующая школа; им устанавливались фиксированное жалованье и

⁹ *Desrosières*. 1993; *Brian*. 1994.

¹⁰ *Guery*. 1993: 123–142.

¹¹ *Viol*. 2003.

¹² *Skornicki*. 2011.

¹³ *Girard*. 1924; *Laugier*. 1975.

¹⁴ *Бадентэр, Бадентэр*. 2001: 68–73.

порядок продвижения по службе)¹⁵.

Осознавали ли современники людей интеллектуального труда как особую и новую группу внутри общества? Официально – нет, критерии социальной стратификации были иными. Когда Людовику XIV во время Десятилетней войны потребовались деньги и была введена подушная подать (капитация), в финансовом ведомстве составили тариф, охватывавший самые разные категории населения Франции, от принцев крови до пастухов и слуг. Франсуа Блюш назвал *Тариф капитации 1695 года* «подлинной социальной иерархией старой Франции» и «самой интересной попыткой классифицировать и иерархизировать французское общество старого порядка»¹⁶. Действительно, ни один другой документ не дает столь детального перечня рангов, профессий и должностей Франции того времени. Правда, в нем нет духовенства, которое откупилось от капитации. Остальное население страны поделено на 22 класса, а внутри каждого класса выделяется от девяти до 62-х позиций. Люди умственного труда присутствуют в нем от первого (канцлер, министры, госсекретари) до 20-го (мелкие судейские и финансовые клерки) класса. В основном, все они состоят на королевской службе. Преимущественно это судьи, чиновники, офицеры. Прочие налогоплательщики, чей род занятий предполагает образование и квалификацию, появляются только в 16-м классе: профессора права, преподаватели (*les grands maîtres*), директора (*provisseurs*) и принципалы коллежей. В этом же 16-м классе впервые упомянуты врачи (а именно те, что служат в портовых городах). Для оценки их статуса можно сказать, что в одном с ними классе фигурируют мэры небольших городов, торговцы зерном, вином, древесиной и фермеры. Ниже, в 17-м классе стоят профессора Королевского коллежа в Париже и другие парижские и провинциальные профессора, получающие жалованье и пенсии от короля. За ними следуют парижские врачи, хирурги и аптекари. В 18-м классе присутствуют ректоры, канцлеры и прокуроры отдельных университетских землячеств (*nations*) и сотрудники (*suppôts*) университетов (в их число могли входить, например, типографы и библиотекари). В этот же класс включены профессии, сочетающие в себе интеллектуальный труд и высококвалифицированное ремесло: архитекторы (*les jurés architectes*), гидрографы и кораблестроители (*les maîtres*

¹⁵ Petot. 1958; Blanchard. 1979; Picon. 1992; Vérin. 1993.

¹⁶ Bluche, Solnon. 1983: 27.

constructeurs de la marine et des galères), а также врачи, хирурги и аптекари больших и средних городов. В 20-м классе мы впервые встречаем упоминание об *écrivains*, но речь там идет вовсе не о писателях, а о корабельных и иных состоящих на морской и портовой службе писарях. В этом же классе фигурируют наставники (*les maîtres enseignant*) гардемарин, а также пробирщики и граверы монет, врачи, хирурги и аптекари малых городов и бургов, полковые и судовые хирурги¹⁷.

Для классификации, выстроенной в *Тарифе капитации 1695 г.*, образование и уровень профессиональной квалификации не являются критериями, в ней налогоплательщики ранжированы сообразно титулам, должностям, ремеслам и занятиям, приносящим доход. Люди умственного труда вошли в *Тариф капитации* в качестве состоящих на королевской службе, поэтому там фигурируют преимущественно чиновники, судьи, врачи и университетская профессура, причем профессора и врачи занимают в этой «табели о рангах» невысокие места. Литераторам, свободным художникам и артистам в ней места не нашлось. Они могли платить капитацию и занимать место в иерархии рангов, например, если были дворянами или обладателями каких-либо должностей, обеспечивавших им стабильный доход и социальный статус¹⁸.

Подобным же образом, в исследовании Дарнтон анонимный буржуа из Монпелье середины XVIII в., описывая население города, группировал его по сословиям, чинам, должностям и корпорациям¹⁹. Он объединил в одно сословие «не удостоенных дворянства магистратов, а также законоведов, врачей, стряпчих, нотариусов, финансистов, купцов, коммерсантов и всех, кто существует на собственные доходы, не имея при этом особой профессии»²⁰. Для этого буржуа из Монпелье имели значение уровень доходов, правовой статус и признанное положение в городском обществе, а не образование или способность влиять на общественное мнение.

Но попытки осмыслить роль людей именно интеллектуальных профессий в обществе современники делали. В частности, об этом размышляли физиократы, особенно Тюрго. Взяв за основу соци-

¹⁷ Le tarif de la première capitation 1695–1696. 1983: 99–114.

¹⁸ Bluche, Solnon. 1983: 21.

¹⁹ Дарнтон. 2002: 137–156.

²⁰ Дарнтон. 2002: 169.

альную классификацию Кенэ²¹, Тюрго интерпретировал её по-своему. Он разделил общество на классы земледельцев (производительный класс), ремесленников (наёмный класс) и земельных собственников (незанятый класс). Первые два не имеют никаких других доходов, кроме того, что добывают трудом своих рук. Последний, по Тюрго, не будучи вынужден трудиться, чтобы обеспечить себе пропитание, мог заниматься удовлетворением таких общественных потребностей, как ведение войны, администрация и правосудие²².

Кроме того, Тюрго, предвосхищая идеи Бурдье, уподобляя знания капиталу, который преумножается и передается по наследству. На заре своей карьеры, будучи приором Сорбонны, 11 декабря 1750 г. он произнес перед собранием богословов торжественную речь, озаглавленную «Философская картина поступательного прогресса человеческого разума», в которой описывал знания как богатство, подобное дарам природы. Разница между природным и интеллектуальным богатством, однако, в том, что последнее не исчерпывается, а напротив, прирастает: «Произвольные знаки языка и письма, давая людям способ овладеть своими идеями и сообщать их другим, образовали из всех частных знаний общее сокровище, которое одно поколение передает другому, так что это наследие постоянно прирастает открытиями каждого века»²³.

Мысль о пользе знаний для государства Тюрго пронес через всю жизнь. Четверть века спустя после речи в Сорбонне, став министром короля, он подал на рассмотрение Людовика XVI составленный совместно с Пьером-Самюэлем Дюпон де Немуром проект эдикта о муниципальной реформе²⁴. В нем излагался замысел создания в стране системы выборных органов власти разных уровней, в которых были бы представлены земельные собственники. Но

²¹ По словам лидера физиократов Франсуа Кенэ, «нация состоит из трёх классов граждан: *класса производительного, класса собственников и класса бесплодного*». К производительному классу Кенэ относил земледельцев, создававших своим трудом все богатства нации; к классу земельных собственников – государя, землевладельцев и священнослужителей, которые существуют на доходы от труда производительного класса; а к «бесплодному классу» – граждан, выполняющих все прочие виды труда, помимо земледелия. Труд «бесплодного класса», с точки зрения Кенэ, оплачивается совместно производительным классом и собственниками. См.: Кенэ. 1960: 360.

²² Turgot. 1997: 165.

²³ Turgot. 1997: 70.

²⁴ Turgot. 1922: 574–621.

предварялся этот проект рассуждением о том, что главной проблемой современной Франции являются разобщенность и эгоизм, а причина их – в невежестве. Все люди, говорилось в тексте, заняты своими проблемами и неспособны подняться до осознания интересов государства и рассматривать свои личные потребности в общенациональном контексте. Для того чтобы они стали способны на столь широкое видение, их надо обучать и воспитывать, создав в масштабах всей страны единую систему народного образования разных ступеней. Нынешняя система образования формирует узкий слой ученых, поэтов и просвещенных людей, а надо создать такую, которая будет воспитывать граждан во всех слоях общества и соединит их в нацию. Эта задача будет возложена на учителей²⁵. То есть Тюрго с Дюпон де Немуром рассуждали, подобно Канту, считавшему, что к обретению гражданской свободы народ следует подготовить, а для этого – сначала просветить²⁶. И Тюрго, предлагая королю предоставить народу избирательное право, возложил одновременно на образованных людей обязанность повышать уровень политической грамотности всех граждан. Поэтому проект муниципальной реформы он начинает с того, что рекомендует королю создать Совет по народному образованию (*Conseil de l'instruction nationale*), который объединит и возглавит все академии, университеты, коллежи и начальные школы. В заключительной части проекта авторы опять возвращаются к теме образования, подчеркивая ее государственное значение: «Гражданское воспитание, которое обеспечит *Совет по образованию* на всей территории Королевства, и мудрые книги, которые он подготовит, а все учителя будут по ним преподавать, скорее создадут образованный и добродетельный народ. Они посеют в сердцах детей принципы человечности, справедливости, добродетели и любви к государству, кои, находя себе применение по мере их взросления, будут непрестанно укрепляться»²⁷.

У Тюрго речь шла об интеллектуалах на службе государства, которые вписывались в иерархическую структуру общества рангов Старого порядка не как особая группа, а сообразно занимаемой должности. Но критерии образования и интеллекта работали, формируя также и новую, негосударственную элиту. К. Шарль, исследовавший рождение интеллектуалов как социальной группы в по-

²⁵ *Turgot*. 1922: 578–581.

²⁶ *Кант*. 1966: 25–35.

²⁷ *Turgot*. 1922: 620–621.

следние десятилетия XIX в., объяснял этот феномен кризисом легитимности старых элит и конкуренцией между разными формами капитала (экономического и социального против культурного и политического). В таких условиях сообщество людей умственного труда обрело новую идентичность, что и нашло отражение в появлении неологизма «интеллектуал»²⁸. Подобный кризис и конкуренция между старыми и новыми элитами наблюдались и в XVIII столетии. Середина и вторая половина века в Европе были отмечены явлением, названным в историографии «коронованием писателя» (*le sacre de l'écrivain*). Введший в научный обиход это понятие Поль Бенишу имел в виду установление новой духовной власти светского характера²⁹. В век Просвещения философия стала светским символом веры, а литератор – больше чем литератором. Сложилось представление об общественной миссии, возложенной на «человека слова». Юрген Хабермас относил к XVIII в. структурное изменение публичной сферы, освобождение ее от контроля со стороны монархии и Церкви. Ключевую роль в этом процессе он отводил интеллектуалу (преимущественно литератору, публицисту) как тому, кто одновременно выражает общественное мнение и формирует его³⁰. Такая трансформация публичной сферы повлекла за собой возрастание роли культурного капитала и его носителей – т.е. людей интеллектуального труда, активно вовлеченных в общественную жизнь.

Мысли философа XX столетия Хабермаса об изменениях в публичной сфере не были чужды и людям века XVIII-го. Уволенный в отставку генеральный директор финансов Людовика XVI Жак Неккер, подводя итоги своей администрации в трактате *Об управлении финансами Франции* (1784), посвятил несколько страниц общественному мнению, в возросшем влиянии которого он видел важнейшую отличительную черту современной ему Франции: «Общественный дух, любовь к знакам уважения и похвалам создали во Франции трибунал, перед которым обязаны предстать все люди, обращающие на себя внимание: там царит общественное мнение, присуждая награды и лавры, создавая и разрушая репутации»³¹. В других странах общественное мнение, с точки зрения

²⁸ Charle. 1990; Шарль. 2005: 17–18, 31–50.

²⁹ Bénichou. 1973; Bénichou. 1996.

³⁰ Хабермас. 2016.

³¹ Necker. 1784: LVIII.

Неккера, не имело такой власти, как во Франции, – стране одновременно монархической и просвещенной. В деспотических государствах народы с рабской покорностью следуют воле правителя. Граждане республики слишком дорожат личной независимостью и потому во всем руководствуются собственным мнением, на которое могут повлиять разве что авторитет и красноречие иных парламентских депутатов. Наконец, для южных народов тягостно бремя любой власти, в том числе и власти общественного мнения; они всецело покорны своим чувствам и богатому воображению. Таким образом, иностранцы не могут даже представить себе, какую роль играет общественное мнение во Франции: «Им трудно понять, что это за невидимая сила, которая, не имея ни денег, ни стражи, ни армии, диктует свои законы городу, двору и самим обитателям королевского дворца»³². Кому именно принадлежит эта власть, кто формирует и распространяет общественное мнение, Неккер не уточнил. Хабермас указывал на роль самого финансиста: «Только Неккеру, – утверждал он, – удалось пробить в абсолютистской системе брешь, через которую проникла политически ориентированная публичная сфера: он опубликовал баланс управления национальными делами. <...> Начиная с публикации Неккером его *Отчета*, эта публичная сфера больше не допускала никаких ограничений своей политической роли и не позволяла вывести себя из игры»³³.

Для обозначения людей умственного труда, выходящих в публичное пространство, современники обычно использовали понятия «литератор» и «философ». С целью выяснить, что они под этим подразумевали, уместно будет обратиться к статьям «литература», «литератор» и «философ» в словарях и энциклопедиях XVIII в. Рассмотрим те из них, что были помещены в двух изданиях разного типа: *Словаре Французской академии*, дающем нормативное толкование слов, и *Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел* Дидро и Д'Аламбера, многие статьи в котором написаны в свободной, эссеистской манере.

В четвертом издании *Словаря Французской академии* (1762) даны определения двух понятий, которые на русский язык переводятся как «литература»: «lettres» и «littérature». Первое, согласно

³² Necker. 1784: LXI–LXII.

³³ Habermas. 1993: 79. Хабермас имеет в виду публикацию Неккером в 1781 г. *Отчета королю* о состоянии финансов, вызвавшего большой общественный интерес.

словарю, – это «любая наука и доктрина»³⁴. Второе – это «эрудиция, доктрина»³⁵. Оба толкования говорят о том, что литература понималась авторами словаря шире, чем словесность, и по смыслу сближалась с гуманитарным знанием и философией. Если исходить из такого представления о литературе, получается, что литератор (отдельной посвященной ему статьи в словаре нет) – это не только и даже не столько писатель, сколько ученый, образованный человек.

«Философия» же, согласно *Словарю Французской академии*, – это наука, которая состоит в познании вещей через их причины и следствия³⁶, а «философ» – «тот, кто занимается изучением наук и стремится познать причины и закономерности явлений». «*Философом*, – продолжают авторы словаря, – также называют мудрого человека, который ведет спокойную и уединенную жизнь вдали от суеты. <...> Иногда так еще называют человека, который в силу вольнодумства (*par libertinage d'esprit*) ставит себя выше долга и обычных обязанностей гражданской и христианской жизни»³⁷. Пример последнего употребления слова «философ» с негативными коннотациями присутствует во всех первых четырех изданиях *Словаря Французской академии* с 1694 по 1762 г., в том числе и в самый разгар Просвещения, что отражает негативное официальное отношение к «философам». Фраза о философе, пренебрегающем долгом и обязанностями гражданина, исчезнет только в годы Французской революции, в пятом издании 1798 г.³⁸

Статья «Философ» в девятом томе *Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел* Дидро и Д'Аламбера создает исключительно положительный образ персонажа. Авторство этой анонимной статьи предположительно принадлежит Сезару Шено Дюмарсе. Ко времени выхода тома его уже не было в живых, но ранее он опубликовал трактат под названием *Философ*, в котором

³⁴ Dictionnaire de l'Académie française. 1762: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A4L0342> (дата обращения: 14.01.2022).

³⁵ Dictionnaire de l'Académie française. 1762: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A4L0573> (дата обращения: 14.01.2022).

³⁶ Dictionnaire de l'Académie française. 1762: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A4P0992> (дата обращения: 14.01.2022).

³⁷ Dictionnaire de l'Académie française. 1762: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A4P0990> (дата обращения: 14.01.2022).

³⁸ Dictionnaire de l'Académie française. 1798: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A5P1002> (дата обращения: 14.01.2022).

изложил похожие идеи³⁹. «Нет ничего проще, – пишет автор, – чем заслужить сейчас звание *философа*; вести незаметную и уединенную жизнь, слегка нарушающую житейскую мудрость, немного читать, – и этого достаточно, чтобы присвоить это имя тому, кто его не заслуживает». Другие, у которых свободомыслие заменило рассудок (*la liberté de penser tient lieu de raisonnement*), объявляют себя истинными философами на том основании, что ниспровергают нормы религии. Все они, по мнению автора, не философы. Но кто же тогда настоящий философ? В отличие от людей, не способных задуматься над мотивами собственных поступков, философ действует обдуманно, подобно самозаводящимся часам. «Разум для *философа* – то же, что для христианина благодать. Благодать определяет поведение христианина, а разум – поведение *философа*». Он умеет управлять своими страстями, отличает истину от видимости. Он судит нечасто и говорит немного, но при этом мыслит здраво и говорит хорошо. Он способен понять точку зрения другого, даже если сам с ней не согласен. Поскольку человек не может жить вне общества, то и философ не чужой в этом мире: «это честный человек, желающий нравиться и приносить пользу» (*c'est un honnête homme qui veut plaire & se rendre utile*). Только плохой философ станет избегать человеческого общества. Настоящий же сумеет найти время и для уединенных размышлений, и для общения с людьми. «Бесполезно упоминать здесь, насколько ревностно *философ* относится ко всему тому, что именуют *честью и порядочностью* (*honneur & probité*). Можно сказать, что гражданское общество является для него земным божеством (*la société civile est, pour ainsi dire, une divinité pour lui sur la terre*); он поклоняется этому божеству и честно ему служит, прилежно исполняя свой долг, стремясь быть полезным его членом и ни в коем случае не становиться ему в тягость». Порядочность – столь же неотъемлемая черта философа, как и просвещенный ум. Ему свойственно любить людей и общество, «он полон мыслями о благе гражданского общества; его принципы известны ему гораздо лучше, нежели другим людям». «Итак, – приходит автор к выводу, – *философ* – это честный человек, в коем соединились рассуждающий ум, справедливый нрав и общественные качества». Поэтому, заключает он, идеаль-

³⁹ Dumarsais: 1730.

ным правителем был бы государь-философ⁴⁰. Обрисованный автором «настоящий» философ – это не уединенный мыслитель, а интеллеktуал с активной гражданской позицией, радеющий о благе общества.

Похожий образ создан в статьях *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера, посвященных литературе и литераторам. В этом издании, как и в *Словаре Французской академии*, тоже имеются две статьи о литературе: «Lettres» и «Littérature». Первая статья анонимная и объясняет термин так: «Это слово обозначает в целом свет, который приносит образование, в частности изучение беллетристики, или литературы (littérature). В последнем смысле отличают литераторов (les gens de lettres), которые культивируют только разнообразную и приятную эрудицию, от тех, кто занимается абстрактными или более полезными науками. Но в них нельзя продвинуться до высокой степени без знания литературы (lettres), из чего следует, что литература (lettres) и науки в собственном смысле слова имеют между собой самые тесные сцепления, связи и отношения; в *Энциклопедии* важно это показать, и в доказательство я могу сослаться хотя бы на пример науки в Афинах и Риме»⁴¹. В целом, пафос статьи состоит в том, чтобы подчеркнуть тесную связь между литературой и наукой.

Вторая статья («Littérature») написана одним из самых активных авторов *Энциклопедии* шевалье Луи де Жокуром. Она представляет собой небольшой полемический трактат в защиту эрудиции. «Литература, – пишет автор, – общий термин, обозначающий эрудицию, знание беллетристики и относящихся к ней материй». При этом он дает отсылку к статье «Lettres», в которой, как мы только что видели, речь шла о взаимосвязи литературы с наукой. Жокур жалуется на нынешний упадок литературы во Франции и находит его причину в неуважении к ученым эрудитам. Их упрекают в педантизме, над ними смеются, и поэтому молодые люди не желают заниматься гуманитарными науками, чтобы не прослыть педантами. Знанию греческих и латинских авторов уделяется

⁴⁰ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1765: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v12-1254-0/> (дата обращения: 14.01.2022).

⁴¹ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1765: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v9-1324-6/> (дата обращения: 14.01.2022).

большое внимание в процессе обучения в коллежах, но такую науку стало принято презирать. Многие сейчас призывают развивать ум и способность самостоятельного суждения, а не запоминать, что говорили и думали древние. Однако подобная точка зрения, по мнению де Жокура, льстит ленивым умам. Не называя имени Д'Аламбера, он явно полемизирует с тем, что тот написал в одном из предыдущих томов *Энциклопедии* об образовании в коллежах как о бессмысленно потерянном времени⁴². Де Жокур, напротив, говорит об интеллектуальной несостоятельности тех, кто не видит пользы в изучении классического наследия: «Неспособные к труду и образованию, они бранят и презирают ученых, коим не могут подражать; таким образом они распространили в литературной республике легкость мыслей, повергающую ее в невежество и варварство. Между тем, несмотря на суровую критику со стороны невежественных шутов, мы осмелимся утверждать, что только литература (*lettres*) способна оттачивать ум, совершенствовать вкус и отдавать дань наукам». Последнее же означает, что надо серьезно изучать религию, политику, законы, нравы и обычаи Древней Греции и Древнего Рима⁴³. Так что де Жокур, подобно автору предыдущей статьи, провозглашал союз литературы и науки и не отделял литератора от ученого-гуманитария.

Автором статьи «Литераторы» («Gens de lettres») для *Энциклопедии* был Вольтер, изобразивший их настоящими интеллектуалами и признанной частью высшего общества: «Так не называют людей малознающих и работающих лишь в одной области». Литератор, по словам Вольтера, должен знать мировую литературу, историю, точные науки, философию, естествознание: «От *литератора* не требуется углубленного изучения всех этих материй, универсальная наука более недоступна одному человеку, но настоящие *литераторы* способны проникнуть в разные сферы, даже если и не могут все их исследовать». По сравнению с прошлым, их роль изменилась. Если в XVI–XVII вв. литераторы составляли словари и комментарии к античным классикам, то теперь они развивают «фи-

⁴² Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1753: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v3-1467-11/> (дата обращения: 14.01.2022).

⁴³ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1765: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v9-1756/> (дата обращения: 14.01.2022).

лософский дух» (*l'esprit philosophique*). «Этот философский дух есть отличительная черта *литераторов*; и ежели он соединен с хорошим вкусом, то получается совершенный литератор (*un littérateur accompli*). Вольтер утверждал, что в современном ему обществе статус литераторов значительно повысился: «Дух века сделал их по большей части пригодными как для научных занятий, так и для света; этим они намного превзошли литераторов прошлых веков. До Бальзака⁴⁴ и Вуатюра⁴⁵ их не пускали в общество; с тех пор они стали его необходимой частью. Глубокий и чистый разум, распространенный в их сочинениях, во многом способствовал образованию и просвещению нации». В конце статьи Вольтер замечает, что далеко не все литераторы являются авторами каких-либо произведений, то есть под литераторами он подразумевает именно интеллектуалов в широком смысле слова, а не только писателей⁴⁶.

Литераторы XVIII в. осознали свое занятие как профессию, причем профессию почетную и уважаемую. Де Жокур писал в статье «Профессия» для *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера: «Существуют *профессии* славные (*professions glorieuses*), *профессии* честные и *профессии* низкие, или бесчестные. Славными *профессиями*, которые способны приносить уважение и награды и служат общему благу, являются религия, армия, правосудие, политика, управление государственным доходами, коммерция, литература и изящные искусства»⁴⁷.

О литераторах как о «четвертой власти», формирующей общественное мнение, писал Луи-Себастьян Мерсье в одном из очерков *Картин Парижа*: «Наконец, благодаря литераторам каждый характер теперь волне выяснен и ему отведено определенное место. Приговоры, которые они выносят в первой инстанции, обычно утверждаются всем народом. Литераторов нельзя уже ни подкупить, ни уничтожить. Если даже разбить все печатные станки, то и

⁴⁴ Жан-Луи Гез де Бальзак (1595–1654) – писатель, которого кардинал Ришельё сделал одним из первых членов созданной им Академии.

⁴⁵ Венсан Вуатюр (1597–1648) – поэт, принятый в светском обществе; член Французской академии.

⁴⁶ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1757: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v7-927-1/> (дата обращения: 14.01.2022).

⁴⁷ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1765: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v13-927-0/> (дата обращения: 14.01.2022).

это ничего не изменит, так как одним своим молчанием они смогут руководить общественным мнением»⁴⁸. По словам Мерсье, литераторы в XVIII в. перехватили у придворных главную роль в «процессе цивилизации»: «Именно благодаря литераторам дух столицы сделался диаметрально противоположным духу придворных кругов. Столица стремится восстановить права человека и ограничить влияние вельмож, которые в прежние времена всячески унижали народ. Литераторы прилагают в наши дни все усилия к тому, чтобы искоренить тщеславие титулами, показав их ничтожество и поставив на их место действительно полезные труды человека. Являясь хозяевами общественного мнения, писатели превращают его в наступательное и оборонительное оружие. Яростная война завязалась между литераторами и вельможами, но последние, несомненно, проиграют сражение»⁴⁹.

Рассуждения Дюмарсе, Жокура, Вольтера и Мерсье свидетельствуют о том, как сами философы и литераторы ощущали свое положение в современном обществе. В статье Вольтера из *Энциклопедии* высказывается мнение о том, что их повысившийся социальный статус имеет под собой материальную основу: «Обычно их ум более независим, чем у других людей; те же, кто рожден в бедности, легко найдут в фондах Людовика XIV, чем поддержать эту свою независимость; мы больше не видим, как прежде, таких эпистол, какие выгода и низость подносили тщеславию»⁵⁰.

Говоря о «фондах Людовика XIV», Вольтер имел в виду учрежденные в его царствование академии, в частности Академию надписей и изящной словесности, оказывавшие литераторам материальную поддержку в виде пенсий. То есть, с точки зрения Вольтера, «независимость» литераторов XVIII в. означает, что теперь они не должны искать себе покровителей среди вельмож и заискивать перед ними, так как могут рассчитывать на поддержку со стороны короля. Между зависимостью от частных меценатов и зависимостью от государства Вольтер делает однозначный выбор в пользу последнего. Но получается, что в любом случае литератор

⁴⁸ Мерсье. 1995: 131.

⁴⁹ Мерсье. 1995: 130–131.

⁵⁰ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1757: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v7-927-1/> (дата обращения: 14.01.2022). Вольтер подразумевал, что теперь литератор может не искать себе богатого и знатного покровителя.

оказывался человеком зависимым. А была ли у него возможность в обществе XVIII в. обрести независимость и от царя, и от народа?

Тот же Вольтер в статье «Литература, литераторы, или ученые» («Lettres, gens de lettres ou lettrés»), написанной для *Философского словаря*, сетовал на отсутствие у литераторов официального общественного статуса, поскольку в обществе рангов Старого порядка они не образуют особой корпорации: «Еще большее несчастье литератора состоит в том, что он обычно ни с кем не связан. Буржуа покупает какую-нибудь должность, и вот его поддерживают собратья. Если с ним поступят несправедливо, он тут же найдет защитников. Литератор беспомощен; он как летучая рыба: если высунется – его заклюют птицы, если нырнет – съедят рыбы. Каждый публичный человек платит дань злодеям, но он получает деньги и почести. Литератор платит ту же дань, не получая ничего, он ради собственного удовольствия спускается на арену и отдает себя на растерзание зверям»⁵¹.

В обществе XVIII в. интеллектуальный капитал далеко не всегда мог быть конвертирован в капитал материальный. По словам К. Шарля, «претензия на автономию “философа” наталкивалась в старом обществе на непреодолимые барьеры. Успех некоторых философов в “свете” не должен маскировать изгнание большинства литераторов из сферы привилегий и легитимной культуры»⁵². Не всем удавалось, подобно Вольтеру, разбогатеть на удачных финансовых операциях и получить придворную должность королевского историографа. Многие перебивались случайными заработками и жили, подобно герою *Племянника Рамо* Дени Дидро, который, вставая утром, не знал, где будет – и будет ли – обедать, а после обеда соображал, где бы поужинать⁵³.

Изучив социальное происхождение философов и литераторов во Франции века Просвещения, Роберт Дарнтон пришел к выводу, что «мыслители принадлежали к традиционной элите, т. е. были дворянами, священниками, государственными чиновниками, врачами или судейскими»⁵⁴. Творчество было для них дополнением к основной профессии или основному доходу. В этом смысле ситуация не изменилась по сравнению с концом XVII в., когда был со-

⁵¹ *Voltaire*. 1769: 3–4.

⁵² *Charle*. 1990: 21.

⁵³ *Дидро*. 2007.

⁵⁴ *Дарнтон*. 2002: 133, 182.

ставлен *Тариф капитала*, остававшийся в силе со всей своей классификацией налогоплательщиков вплоть до самого конца Старого порядка. Две фигуры интеллектуала: интеллектуал на службе государства (чиновник, судья, учитель) и независимый интеллектуал (литератор, будущая четвертая власть), – в XVIII в. нередко соединялись в одном лице, потому что литератор в то время не мог жить только на гонорары и нуждался в стабильном доходе, например, от должности. Необходимой материальной основой для независимости интеллектуалов является авторское право на результаты своего труда. Писатель не в состоянии был жить литературным трудом в государстве, где правообладателем являлся издатель, покупавший у автора рукопись со всеми правами распоряжаться ею в дальнейшем по своему усмотрению. Дидро в *Письме о книжной торговле* в осторожной форме поставил эту проблему, заявив, что право собственности на произведение принадлежит автору, признавая в то же время, что интеллектуальная собственность может отчуждаться, как и материальные блага, поэтому в случае законно оформленной сделки автор передает издателю право собственности на произведение⁵⁵.

Проблема авторского права будет решена в пользу литераторов в годы Французской революции, причем первыми добились успеха театральные драматурги, потому что раньше других начали за него бороться. Подобно тому как писатель получал гонорар за рукопись, а права на нее переходили к издателю, драматург получал гонорар за пьесу, после чего правообладателем становился театр. Заслуга в признании за драматургами собственности на свои произведения принадлежит, в первую очередь, Пьеру-Огюстену Карону де Бомарше. После успеха *Севильского цирюльника* Бомарше получил от театра «Комеди Франсэз» очень хороший гонорар в размере 4506 ливров, но этот человек обладал предпринимательской хваткой и стал задавать неудобные вопросы о количестве представлений, ценах на билеты и аренду лож, выясняя таким образом, сколько сможет заработать театр на его пьесе. Вопросы остались без ответов. Бомарше считал существующий порядок несправедливым по отношению к авторам и, борясь за свои материальные интересы, решил восполнить недостаток, на который указывал Вольтер в статье из *Философского словаря*: он приступил к созданию профессионального сообщества литераторов. Совместно

⁵⁵ Дидро. 2017.

с другими литераторами он организовал 3 июля 1777 г. «Общество авторов-драматургов» для борьбы за участие в прибылях с каждого представления, т. е. по сути речь шла о признании за автором права интеллектуальной собственности на произведение⁵⁶.

Поставленная цель была достигнута позднее, в годы Французской революции. По закону, принятому Учредительным собранием 13 января 1791 г., ставить пьесу разрешалось только с согласия автора, который пожизненно получал на нее права; после смерти автора права на пять лет переходили к его наследникам, и только по истечении этого срока произведение становилось общественной собственностью⁵⁷. Примечательно, что закон о театральных пьесах предложил тот самый депутат Изаак-Рене-Ги Ле Шапелье, более известный как автор закона 14–17 июня 1791 г., упразднившего ремесленные цехи и запретившего профессиональные объединения и стачки рабочих. Оба закона защищали права свободного индивидуального предпринимателя (или автора) перед лицом корпорации (театра). Вслед за этим Национальный конвент 19 июля 1793 г. принял закон Жозефа Лаканалья, гарантировавший пожизненно право собственности на произведения литераторам, композиторам и художникам, а после смерти – их наследникам на 10 лет⁵⁸. Свободный художник получил те же права, что и свободный предприниматель. Эти законы открыли новую страницу в истории литераторов и философов. «Новые люди» обрели официальное признание как профессионалы, и перед ними открылась возможность достичь материальной независимости литературным трудом. Не всем удавалось в полной мере реализовать эту возможность, но их социо-профессиональная идентичность, их интеллектуальный капитал и права собственности на него, о чем ранее писали Вольтер и Тюрго, были теперь признаны по закону.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Дидро Д. Письмо о книжной торговле. М., 2017.

Дидро Д. Племянник Рамо. Парадокс об актере. М., 2007.

Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? (1784) // *Кант И.* Собр.

⁵⁶ Délibération de la Société des auteurs dramatiques. 1869: 15–16.

⁵⁷ Archives Parlementaires. 1885: 214.

⁵⁸ Archives Parlementaires. 1906: 186–187.

соч. в 6-ти тт. Т. 6. М., 1966. С. 25–35.

Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960.

Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995.

Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1787–1799). Т. 22. P., 1885; Т. 69. P., 1906.

Délibération de la Société des auteurs dramatiques // Annuaire de la Société des auteurs et compositeurs dramatiques. Т. 1. P., 1869.

Dictionnaire de l'Académie française. 1ère éd. P., 1694.

Dictionnaire de l'Académie française. 4ème éd. P., 1762.

Dictionnaire de l'Académie française. 5ème éd. P., 1798.

Dictionnaire de l'Académie française. 9ème éd. P. 1992-2011.

Dumarsais C. Chesneau. Le philosophe. P., 1797 (1730).

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 3. P., 1753; Т. 7. Neufchâtel, 1757; Т. 9, 12, 13. Neufchâtel, 1765.

Necker J. De l'administration des finances de la France. Т. 1. [S. l.], 1784.

Le tarif de la première capitation 1695-1696 // *Bluche F., Solnon J.-F.* La véritable hiérarchie sociale de l'ancienne France. Le tarif de la première capitation (1695). Genève, 1983.

Turgot A.R.J. Formation et distribution des richesses / textes choisis et prés. par J.-T. Ravix et P.-M. Romani. P, 1997.

Turgot A.R.J. Oeuvres de Turgot et documents le concernant / éd. par G. Schell. Т. 4. P., 1922.

Voltaire. Dictionnaire philosophique, ou La Raison par alphabet. Genève, 1769. Т. 2.

ЛИТЕРАТУРА

Бадентэр Э., Бадентэр Р. Кондорсе (1743–1794). Ученый в политике. М., 2001.

Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века. М., 2005.

Bénichou P. Le Sacre de l'Écrivain, 1750-1780. Essai sur l'avènement d'un pouvoir spirituel laïque dans la France moderne. P., 1973.

Bénichou P. Le Sacre de l'écrivain (1750–1830). Essai sur l'avènement d'un pouvoir spirituel laïque dans la France moderne. Nouvelle éd. P., 1996.

Blanchard A. Les ingénieurs du Roy de Louis XIV à Louis XVI. Étude du corps des fortifications. Montpellier, 1979.

Bluche F., Solnon J.-F. La véritable hiérarchie sociale de l'ancienne France. Le tarif de la première capitation (1695). Genève, 1983.

Bourdieu P. De la maison du roi à la raison d'État: Un modèle de la genèse du champ bureaucratique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. № 118.

Brian E. La Mesure de l'État. Administrateurs et géomètres au XVIIIe siècle. P., 1994.

Charle C. Naissance des «intellectuels». 1880–1900. P., 1990.

Desrosières A. La politique des grands nombres: Histoire de la raison statistique. P., 1993.

Girard R. L'abbé Terray et la liberté du commerce des grains (1769–1774). P., 1924.

Guery A. L'œuvre royale. Du roi magicien au roi technicien // Le Débat. 1993. № 74.

Habermas J. L'espace public: Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. 5ème éd. P., 1993.

Laugier L. Un ministère réformateur sous Louis XV: le triumvirat (1770–1774). P., 1975.

Petot J. Histoire de l'administration des Ponts et Chaussées. 1599–1815. P., 1958.

Picon A. L'invention de l'ingénieur moderne. L'École des Ponts et Chaussées: 1747–1851. P., 1992.

Roche D. Les républicains des lettres. Gens de culture et Lumières au XVIIIe siècle. P., 1988.

Skornicki A. L'Économiste, la Cour, la Patrie: l'économie politique dans la France des Lumières. P., 2011.

Vérin H. La gloire des ingénieurs. L'intelligence technique du XVIe au XVIIIe siècle. P., 1993.

Virol M. Vauban. De la gloire du roi au service de l'État. Seyssel, 2003.